Студенческий научный электронный журнал
StudArctic Forum

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. 10, № 2. С. 10–21 **Исторические науки** **2025**

Научная статья
УДК 355.40

БУРОВСКИЙ Артем Алексеевич

бакалавриат, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), *burovsky.artiom@yandex.ru*

ЛАТЫШСКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Научный руководитель:
Назаренко Кирилл Борисович
Рецензент:
Веригин Сергей Геннадьевич
Статья поступила: 22.05.2025;
Принята к публикации: 29.06.2025;
Размещена в сети: 29.06.2025.

Аннотация. В статье рассмотрены полученные советской разведкой сведения о формировании немецкой оккупационной администрацией в Латвии полицейских батальонов. Данные сведения ранее не были опубликованы. Укомплектованные коллаборационистами формирования показали себя неблагонадёжными, и причиной этому стали решения немецкого командования.
В статье раскрываются особенности оккупационного режима в Латвии, которые привели к созданию коллаборационистских подразделений. Многие военнослужащие были недовольны условиями службы, что использовали обе стороны - и советская, и немецкая.
Ключевые слова: советская разведка, коллаборационизм, латвийские полицейские батальоны, Латышский легион, оккупационная политика, карточная система, денежное содержание

Для цитирования: Буровский А. А. Латышские коллаборационисты глазами советской разведки Военно-Морского Флота // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 2. С. 10–21.

Прибалтийский военный коллаборационизм – сложное историческое явление, причины появления которого различны. Личный состав коллаборационистских формирований был неоднообразным. В данной статье на основе показаний пленных и перебежчиков рассматриваются причины поступления коллаборационистов на службу оккупационных властей.

Большинство современных исследований по истории оккупации Латвии во Второй Мировой войне затрагивают широкую проблематику военного и экономического коллаборационизма. Особый научный интерес представляет собой работа советской военной разведки, в задачи которой входило информирование военно-политического руководства СССР о положении на временно оккупированных территориях. В настоящее время проводится серьёзная работа по рассекречиванию документов о преступлениях германских оккупантов, в научный оборот вводится заметное число источников по данной проблеме. Дополнение высокой ценности могут представлять допросные листы и отчёты, составленные разведчиками на основе показаний пленных немецких военнослужащих и коллаборационистов.

Цель исследования – анализ причин, по которым жители Латвии поступали на службу в полицейские батальоны. Для раскрытия цели необходимо выполнить следующие задачи:

1) проанализировать возможности заработка на оккупированной территории;
2) рассмотреть проблему снабжения Латвии продовольствием с момента введения

карточек;

3) рассмотреть контрмеры, которые могли быть предприняты советской стороной в отношении коллаборационистских формирований.

В работе использованы сравнительно-исторический и историко-системный методы.

Историография представлена многочисленными статьями, рассматривающими историю экономического и военного коллаборационизма. При этом, в научный оборот почти не введены советские разведывательные сводки и отчёты, которые содержат большое количество детализированных показаний пленных коллаборационистов.

Значительный интерес представляет монография М.Ю. Крысина о рейхскомиссариате «Остланд» в Прибалтике в 1941–1945 гг. [Крысин], включающая наиболее полное описание военизированных структур коллаборационистов. Данная проблема сложна в изучении по причине постоянных переформирований, из-за которых в документах теряется след многих подразделений. Оказать помощь в изучении данной проблематики могут отчёты советской разведки. В отчётах отмечались наиболее важные сведения, полученные от пленных, которые могли подробно рассказать о происходящем в тылу и на фронте. Исходя из полученной информации, советские войсковые и агентурные разведчики работали по двум основным направлениям:

1) Изучение положения в прифронтовой полосе. Германское руководство создавало вооруженные формирования из числа граждан оккупированных территорий и использовало такие подразделения в боевых действиях. Коллаборационистские формирования были чуждым элементом для немецкой армии, отличались невысоким уровнем военной подготовки и низкой мотивацией. Позиции, обороняемые подразделениями из числа перебежчиков, были уязвимым местом в немецкой обороне – поэтому советская разведка стремилась получить информацию о дислокации коллаборационистов. Кроме того, коллаборационисты могли охотно идти на сотрудничество с советской разведкой и давать исчерпывающие сведения о положении на оккупированной территории. В отчетах советской разведки[1] изложен взгляд на организацию и боевую деятельность коллаборационистских формирований полиции как ненадежных союзников Германии.

Советские разведчики отмечали принятие мер немецким командованием по усовершенствованию имеющихся подразделений коллаборационистов. Тяжёлая ситуация на фронте заставляла руководство Третьего рейха искать решения, которые позволят победить в войне. Одним из таких решений было сведение ряда созданных полицейских батальонов в единый легион; бойцам на передовой предлагалось подписать новый контракт, а находящиеся на излечении после выздоровления сразу направлялись в формируемый легион[2].

2) Изучение положения в тылу противника. Красной армии предстояло освобождать территорию Прибалтики, поэтому советская разведка должна была предоставить информацию о немецком оккупационном режиме. При помощи агитационного материала, улавливающего настроение местного населения, готовилась почва для вступления в регион советских войск.

* * * * *

В межвоенный период руководство Германии предпринимало попытки выстроить взаимовыгодные отношения с прибалтийскими государствами. Для совместной работы против СССР германская разведка безуспешно пыталась завербовать директора департамента госбезопасности Латвии Яниса Фридрихсонса [Колпакиди: 264-265], о чем тот рассказал на допросе в органах НКВД осенью 1940 г. Германское руководство спонсировало многочисленные фашистские организации, которые оказывали серьёзное воздействие на латышей. В период диктатуры К. Улманиса фашистские идеи стали популярны среди

латвийского офицерского корпуса и интеллигенции [Панин: 214]. После присоединения Латвии к СССР фашистские организации ушли в подполье и в дальнейшем сыграли вспомогательную роль в захвате региона германскими войсками.

С момента вхождения в состав СССР стран Прибалтики было принято решение об образовании на базе существующих армий этих государств национальных стрелковых корпусов [Иринархов: 20]. Прибалтийским территориальным корпусам предписывалось носить форму прежних армий, но со знаками различия РККА (рисунок 1). Так, Л.В. Двойных отмечал: «Войска корпуса сохранили латвийскую форму одежды с нашитыми на неё советскими знаками различия» [Двойных: 16-21]. Это позволяло более рационально использовать имеющиеся ресурсы. Советское военно-политическое руководство предполагало постепенно «ассимилировать» армии несуществующих государств – бывшие кадровые военнослужащие Латвии могли представлять угрозу установившейся советской власти. Несмотря на масштабную идеологическую работу, военнослужащие-латыши из 24-го Латвийского корпуса оставались нелояльны к новым порядкам. Поэтому после нападения Германии было демобилизовано значительное число латышей; недемобилизованные латыши, за редким исключением, массово дезертировали после первых сражений с Вермахтом [Чапенко: 55]. Причиной послужило отсутствие важной отличительной черты РККА в территориальном корпусе: «единства классовых интересов командного и рядового состава» [Славин: 57], о необходимости наличия которой указывал армейский комиссар 2-го ранга И.Е. Славин в довоенный период.

Рис. 1. Колонна солдат Латышской народной армии на демонстрации, посвящённой принятию Латвии в состав СССР. Рига, 1940 г. Фото из открытых источников

После оккупации Латвии оккупационные власти начали формировать воинские части из жителей, используя для этого лозунг борьбы за освобождение от большевизма. Эти части действовали, как правило, в тыловых районах, где использовались на охранной службе. С августа 1941 г. немцы стали набирать жителей Прибалтики для службы в охранных батальонах, ставших позднее батальонами вспомогательной полиции [Дробязко: 40]. Войска с полноценным боевым опытом были необходимы командованию Вермахта для реализации плана «Барбаросса»; для этого следовало собрать все имеющиеся резервы и нанести ряд поражений РККА. С целью высвободить все имеющиеся войска из числа местных

коллаборационистов были сформированы полиция и военизированные подразделения, подконтрольные немецкой оккупационной администрации. В тыловых районах группы армий «Север» «…действовали по меньшей мере 14 охранных батальонов – эстонские, латышские, русские, 1 литовский и 1 карело-финский» [Крысин: 23].

Советские разведчики с большим вниманием относились к появлению коллаборационистских формирований на фронте, поскольку взятые в плен военнослужащие таких формирований могли дать ценные сведения об обстановке в тылу германской армии. Все собранные сведения систематизировались и давали командованию исчерпывающую информацию об оккупированных территориях.

Отчет был составлен на основе агентурных сведений и данных, полученных от пленных полицейских, и подготовлен 27 августа 1942 г.[3] Он включает в себя: описание портовых сооружений и аэродромов, системы охраны портов, проведения мероприятий по фильтрации населения и набор добровольцев на службу в полицию. На «временно оккупированной территории» (этот термин употребляется многократно) фиксируются сведения о введении паспортов старого латвийского образца, использовании советских рублей и немецких рейхсмарок, введении карточной системы и норм выдачи. Особое внимание уделено организации оккупационных властей. Командиры разведотдела проводили тщательные допросы пленных, уточняя многие важные детали. Например, «к организации полицейских батальонов германское командование приступило в первые же дни захвата им Латвии. В Риге был специально создан штаб формирований полицейских батальонов в Латвии. Командующим всех полицейских батальонов назначен генерал ДАНКЕРС»[4]. Оскарс Данкерс в предвоенное время был членом ряда фашистских организаций Латвии и возглавлял официальные делегации в Третьем рейхе [Симиндей: 101-102]. Наличие в Латвии значительного числа фашистских организаций позволило немцам использовать недовольных советской политикой латышей как кадровый резерв.

По отчету можно проследить, что в первые дни работы штаба формирования появляется некоторое количество добровольцев, желающих служить в полиции. При полицейских участках находились вербовочные отделы, где новобранцы проходили медицинскую и «мандатную комиссию» со следующим перечнем вопросов:

1. Когда служил в латвийской армии, где именно, какие занимал должности.
2. Где, когда работал до 17 июня 1940 г. и после.
3. В каких организациях и политпартиях состоял до 17 июня 1940 г.
4. В каких организациях и политпартиях состоял с 17 июня 1940 г. по 1 июля 1941 г.
5. Где, когда жил.
6. Был ли под судом, следствием, арестом.

Те же вопросы относились и к родственникам.

Подобные опросы позволяли определить благонадёжность новобранцев, а знание их военной специальности позволило бы более рационально использовать пополнение. При наличии компрометирующих сведений о добровольце командование могло мотивировать его направление на фронт.

Кроме биографии комиссии интересовались и чистотой крови новобранцев: «Особо тщательно опрашиваются о национальном происхождении, с тем, чтобы установить чистоту латвийского происхождения»[5]. При этом никакие документы для подтверждения слов новобранцев при ответе на выше обозначенные вопросы не использовались.

Изначально в полицейские формирования набирались члены фашистских организаций, но число добровольцев было невелико, поэтому оккупационные власти перешли к мобилизационным мероприятиям. По этой причине социальный состав новобранцев был довольно пёстрым: «профашистски настроенные латыши» («кого советская

власть репрессировала, либо родственники которых репрессированы»)[6], члены коммунистического партактива (освобожденные из концлагерей и желающие сохранить свою жизнь), призванные по повестке (нежелающие быть угнанными на работу в Германию)[7].

Не все батальоны корректно называть «латышскими», более корректное название «латвийские», так как этнический состав был неоднородным. В отчёте фиксируется причина – небольшое число набранных добровольцев, что вынудило начать набор в полицейские батальоны и тех, кто не обладает чистой арийской кровью[8]. Указывается, что в Двинске призывались «русские уроженцы», из них была составлена саперная рота 21-го полицейского батальона. Стоит отметить, что данная саперная рота была сформирована по линии Управления труда для восстановления разрушений «в любом пункте Латвии»[9].

Добровольцам регулярно платили жалованье, что также могло стать стимулом для службы. Каждый рядовой в месяц получал 120 рейхсмарок, которые выплачивались в сумме 40 марок каждые 10, 20, 30 числа месяца. Никаких удержаний из зарплаты не производилось. При отсутствии рейхсмарок выплата зарплаты производилась советскими деньгами. Зачастую часть зарплаты выдавалась рейхсмарками, а другая часть – советскими деньгами. При этом во время нахождения на фронте рядовой получал на руки лишь 43 марки, а остальные 77 марок выплачивались его семье[10].

Для более полного представления о различном положении полицейских-коллаборационистов и солдат Вермахта нужно сравнить размер жалованья. В Вермахте существовала система выплаты жалованья, по которой военнослужащие разбивались на 31 окладную группу (1 категория, высшая – фельдмаршал; 31 категория, низшая – обер-ефрейтор) и в зависимости от семейного статуса (женат/холост, бездетный/многодетный) выплачивалось жалованье[11]. Военнослужащим Вермахта выплачивались также и многочисленные надбавки, например, за несение действительной военной службы он получал дополнительное денежное довольствие от 77,5 до 2800 рейхсмарок. При наличии иждивенцев военнослужащий получал дополнительно от 35 (рядовой и старший рядовой) до 300 рейхсмарок (фельдмаршал) [Любецкий: 213].

При сравнении размера жалованья солдата Вермахта и латвийского коллаборациониста можно сделать вывод, что рядовые полицейские получали денежное довольствие на уровне довоенного оклада солдат Вермахта без каких-либо надбавок. Такого рода несправедливость становилась причиной недовольства среди коллаборационистов.

Финское военное руководство формировало аналогичным образом подразделения коллаборационистов из числа жителей Карелии и советских военнопленных. Однако в данном случае подход к выплатам жалованья был иной, более ориентированный на интересы военнослужащих. Коллаборационисты получали жалованье, которое не дробилось; жёны и дети (до 17 лет) получали ежемесячное денежное довольствие (на каждого ребёнка отдельно). Кроме того, на денежное содержание могли претендовать нетрудоспособные родители и родственники [Веригин: 55-56]. Причина различия подходов порождена национальной идеей: жители Карелии считались «соплеменниками» финнов, тогда как жители Латвии не воспринимались равными немцам.

Продовольственное обеспечение Латвии было нарушено, поэтому жителям приходилось искать выход из затруднительного положения – продовольствия по карточкам не хватало, жители Латвии покупали необходимое на чёрном рынке [Эвартс: 107]. За продовольственные карточки ежемесячно платили 10 рейхсмарок, периодически получить продукты по карточкам не представлялось возможным, поэтому жители Латвии рассматривали карточки лишь в качестве дополнения к основному рациону. Продуктовые карточки (таблица 1) полагались горожанам и рабочим в сельской местности, крестьяне

карточек не получали. Промтоварные карточки введены не были: промтовары могли быть получены по специальным ордерам, из-за острого дефицита выдававшимся только тем, кто смог доказать, «что потерпел от военных действий»[12].

Таблица 1

Нормы выдачи продуктов по карточкам, действовавшие до 1 апреля 1942 г. Составлено автором

Хлеб	1,5 кг/нед (другие показания: 1,1 кг/нед и 1,2 кг/нед)
Мясо	0,35 кг/нед
Масло сливочное	0,2 кг/нед
Мука	0,2 кг/нед (другие показания: 0,8 кг/нед)
Сахар	0,5 кг/нед (другие показания: 0,8 кг/нед)
Крупа	0,2 кг/нед
Кондитерские изделия	0,1 кг/нед (для детей); 0,05 кг/нед (для взрослых)
Хлеб белый	0,2 кг/нед (только для детей)
Бисквит	0,1 кг/нед
Молоко	0,5 л/д (только детям)
Папиросы	120 шт/мес
Дополнительные нормы: мясной суп/щи	1 л (только для рабочих, занятых на тяжёлых работах - восстановление рижского порта и т. п.)

Привычный порядок жизни был нарушен: жителям Латвии нужно было адаптироваться к условиям военного времени, многие были недовольны оккупационным режимом. Исключения составляли богатые крестьяне и представители буржуазии, которые могли поправить своё благосостояние на военных поставках и различных работах. Росту безработицы и недовольства в Латвии способствовало привлечение к восстановительным работам многочисленных немецких военизированных организаций[13]. Вслед за наступающими немецкими войсками следовали формирования Имперской трудовой службы (RAD), которые ремонтировали мосты и дороги. Служба технической аварийной помощи (TeNo) восстанавливала подачу электричества, газа и налаживала телефонную связь. Осуществление регулировки дорожного движения было возложено на Национал-социалистический автотранспортный корпус (NSKK). Возведением оборонительных сооружений занималась организация Тодта (OT), названная по имени создателя – министра вооружений Ф. Тодта [Дробязко: 30-32].

Присутствие немецких рабочих и значительной массы военнопленных на восстановительных работах лишало рабочих мест жителей оккупированных территорий, вынуждая мужчин выбирать между отправкой в Германию и службой в полиции. В подобных условиях некоторые мужчины поступали на службу в полицейские батальоны, где можно было заработать, обеспечить свою семью и обезопасить родственников от угона в Германию.

Внешний облик коллаборационистов определяло немецкое военное командование – полицейские получали обмундирование «…буржуазной латвийской армии…»[14]. Принятое решение дублировало советское: это позволяло экономить имевшиеся запасы формы и снаряжения.

Латвийским коллаборационистам было выдано обмундирование, при этом были введены старые латвийские знаки различия и воинские звания. Дополнительно введены шифровки на погонах: «По прибытии на фронт, на погонах, как правило, имеются трафареты

с указанием № батальона»[15]. Таким образом, германское командование экономило имеющиеся ресурсы и упрощало процесс адаптации к новым условиям службы добровольцев, к тому же, сохранение системы воинских званий могло трактоваться как уважительное отношение к традициям латвийской армии.

Особое внимание советские разведчики уделили документам пленных: установлено, что служебные удостоверения личности до прибытия на фронт латышам не выдавались; использовались паспорт старого латвийского образца, справка о службе в полицейском батальоне. При этом некоторые коллаборационисты оставили паспорта дома, как опрошенный капрал Каллекс; остальные носили паспорт при себе. По прибытии на фронт были выданы солдатские книжки с записями на немецком и латышском языках, сходные по образцу с немецкими солдатскими книжками[16]. Эти сведения можно было использовать для подготовки советских разведгрупп с целью отправки в немецкий тыл. Разведчики, отправленные под видом латышских полицейских, при наличии правильного комплекта формы и документов не вызывали бы подозрений. Это позволило бы успешно выполнить поставленные задачи.

Организационная структура батальонов состояла из трёх стрелковых рот, каждая из которых имела 2 стрелковых и 1 пулеметный взвод; каждый взвод имел три группы/отделения под командованием капрала. Функции начальника штаба батальона выполнял адъютант командира батальона (рисунок 2). Личный состав жил на своих квартирах и никакого питания из батальона не получал – питались по продуктовым карточкам на общих основаниях.

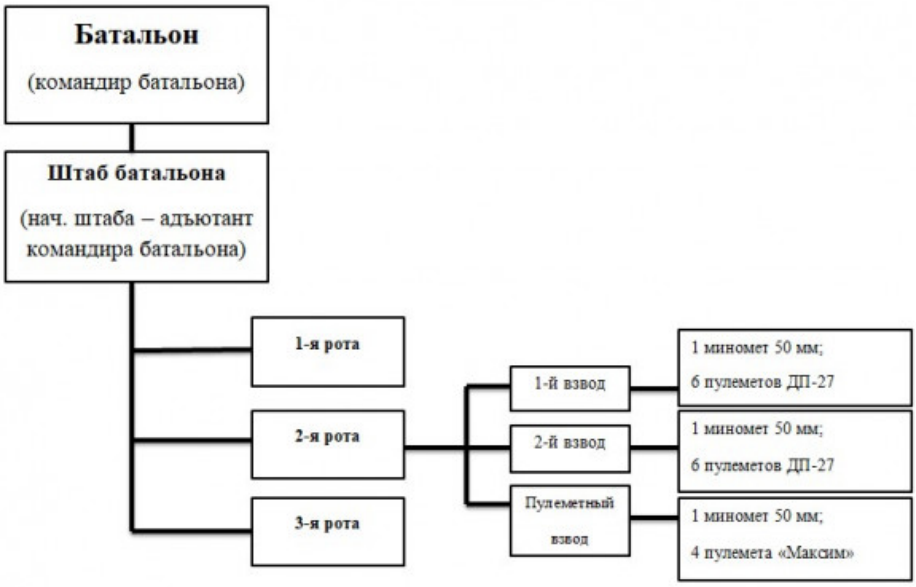

Рис. 2. Структура латышского полицейского батальона. Составлено автором

Рядовой состав был вооружен русской 3-х линейной винтовкой, а часть служащих – русской полуавтоматической винтовкой «СВД» (имелась в виду винтовка СВТ-40). При этом солдату выдавалось на руки 90 патронов[17]. В качестве средства поддержки использовались легкие и станковые пулеметы, а также 50 мм минометы – захваченные немцами трофеи. Немецкие гранаты выдавались по 10 штук на каждого солдата. Недостатка в боеприпасах не отмечали, однако в армии Латвии, а затем и в территориальном корпусе РККА, были сложности с унификацией вооружения: германское командование оснастило данные подразделения трофейным советским оружием, которого на тот момент было в избытке. Решение было принято с целью сбережения немецкого оружия для наступающего

Вермахта.

С момента формирования в полицейских батальонах назревало недовольство: несмотря на тяжелую службу, карточки полагались обычные. Предполагалось, что служба полиции будет вестись на территории Латвии, но 18-й и 21-й батальон были обманом переведены под Ленинград. Постоянные нарушения условий контракта, большие потери (21-й батальон потерял половину бойцов в боях под Урицком [18]) привели к постоянному пьянству личного состава, дезертирству и случаям самострела.

С целью повысить уровень боеспособности латышских полицейских батальонов военно-политическое руководство Германии приняло решение о формировании Латышского легиона – особой латышской воинской части. Способы пополнения личным составом были различны. Находящиеся на фронте получали предложение о продлении контракта на службу, раненые после выздоровления сразу направлялись в формировавшийся легион[19]. Латышский легион формировался с целью повышения боеспособности и большей мотивации военнослужащих, при этом латвийские подразделения были разбавлены немцами – это усилило личный состав и повысило его благонадёжность.

Таким образом, на основе агентурных данных и сведений, полученных от пленных, советская военная разведка готовила информативный материал о положении на фронте и в тылу противника. Тщательная работа с пленными латышами из полицейских батальонов позволила создать портрет латышского коллаборациониста. Военнослужащие коллаборационистских формирований были неустойчивыми подразделениями, во многом это можно объяснить просчётами немецкого военно-политического руководства. Недовольство было вызвано целым рядом причин:

- С начала оккупации Латвии немецкие военизированные формирования занимали рабочие места местного населения, вынуждая искать альтернативный источник заработка;
- Угроза угона на работу в Германию. Способом избежать такой участи было заключение контракта на службу в коллаборационистском формировании;
- Плохое снабжение продуктами, ненадёжность карточной системы и расцвет чёрного рынка;
- Отсутствие дополнительных льгот во время службы в Латвии, в частности, отсутствие дополнительного снабжения продуктами или продуктовыми карточками. Между тем, латвийские рабочие, задействованные в восстановлении рижского порта, имели сокращенный рабочий день и помимо карточек получали питание в обед – 1 литр мясного супа[20];
- Неисполнение условий контракта, в первую очередь, перевод на Восточный фронт. Немецкое командование под предлогом перевозки в Ригу отправило коллаборационистов под Ленинград[21];
- Плохое снабжение и низкое жалованье в сравнении с солдатами Вермахта[22]. Рядовой состав батальонов был недоволен наличием значительного числа немецких офицеров и подчинённым положением латышских офицеров. Однако стоит отметить, что число немецких офицеров было невелико, и почти все офицеры были латышами.

Немецкое военно-политическое руководство осознало сложность положения, поэтому принимало меры для решения данной проблемы. В то же время наличие такого рода проблем было выгодно советской разведке:

- Пленные сообщали о недовольстве в рядах коллаборационистов, подробно описывая каждую причину. Более того, в своих показаниях полицейские пофамильно перечислили сослуживцев, желавших добровольно сдаться. Это позволяло иметь исчерпывающее представление о положении на линии фронта и в тылу противника;
- Правильно выбранные «болевые точки» позволяли вести успешную антинемецкую

агитацию. Пленные полицейские уточнили, что многие их сослуживцы имели при себе советские листовки, но содержание агитационного материала было недоступно – многие латыши не владели русским языком[23]. Чтобы подготовить более доступный материал для ведения антинемецкой агитации, с фронта приходили запросы на людей, владеющих латышским языком и на походные типографии[24]. Операции, проводимые в тылу противника, совместно с агитацией могли внести раскол между оккупационной администрацией и коллаборационистами;

- Наличие коллаборационистских подразделений со специфичной формой и набором документов затрудняло проверку, что можно было использовать для отправки в немецкий тыл советских разведгрупп. С довоенного периода советские военные пособия предлагали проведение разведки под видом местных жителей с переодеванием в форму противника [Федоренко: 167].

Допрос пленных латвийских полицейских и сведения, переданные агентами, позволили составить конструктивное представление о ситуации на временно оккупированной территории Латвии. В первую очередь разведка получила сведения о вертикали власти, функционировании экономики, восстановлении стратегических объектов.

Однако стоит отметить, что некоторые сведения оказались неточны или неверны:

- По понятным причинам пленные полицейские умолчали о своём участии в уничтожении Лиепайского гетто [Крысин: 188], заявив при этом, что «ответственные полицейские мероприятия не доверялись батальонам, их выполняют немецкие полицейские отряды "СС" и полицейские из полицейских участков»[25]. В действительности, 21-й латышский Scuma-батальон участвовал в массовых казнях;
- Рассказывая о своей службе, коллаборационисты заявили, что «…офицеры-латыши в большинстве своем занимают хозяйственные должности, а немцы – командные»[26]. Однако на повторном допросе при перечислении офицеров пленные противоречили: немцев в батальоне было небольшое количество и заняты они хозяйственной деятельностью, в то время как латыши занимали должности строевых офицеров и унтер-офицеров[27].
- Пленные показали, что в районе озера Ильмень действовал 17-й латышский (Видземский) Scuma-батальон[28]. Но данный батальон в указанный период нёс охранную службу в пересыльных лагерях в районе Днепропетровска. В действительности в районе озера Ильмень (между населёнными пунктами Дно и Старая Русса [Крысин: 183]) действовал 16-й латышский (Земгальский) Scuma-батальон (не стоит путать с 16-м резервным Scuma-батальоном). Появление таких неточностей в показаниях вызвано довольно сложной нумерацией коллаборационистских формирований и многочисленными переформированиями подразделений – это было вызвано дезертирством и низкой надёжностью личного состава.
- По словам пленных в Либаве сформированы батальоны №№ 24, 25, 38, 118, 119. В показаниях присутствует информация о появлении в районе села Александровка 119-го полицейского батальона, полицейские должны были сменить немецкие части в районе с. Кискино[29]. Точных сведений о завершении формирования 38-го, 118-го и 119-го батальонов нет. По различным причинам немецкая оккупационная администрация постоянно переформировывала подразделения коллаборационистов.

Примечания

[1] Дело развед. донесений частей и соединений КБФ [Краснознаменного Балтийского флота – А.Б.]. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 161. Оп. 34. Д. 22. Л. 331-367, 369-379.

[2] Там же. Л. 351-352.

[3] Там же. Л. 331-367.

[4] Там же. Л. 344.

[5] Там же. Л. 345.

[6] Там же. Л. 344.

[7] Там же. Л. 346.

[8] Там же. Л. 348.

[9] Там же. Л. 355.

[10] Там же. Л. 339.

[11] Зарплаты в Вермахте [Электронный документ]. URL: https://panzerworld.com/wehrmacht-salaries#sources (дата обращения: 24.01.2025).

[12] Дело развед. донесений частей и соединений КБФ. Л. 358.

[13] Там же. Л. 335-336.

[14] Там же. Л. 349-350.

[15] Там же. Л. 349-350.

[16] Там же. Л. 339.

[17] Там же. Л. 349.

[18] Там же. Л. 350-351.

[19] Там же. Л. 353.

[20] Там же. Л. 337-338.

[21] Там же. Л. 343.

[22] Там же. Л. 372.

[23] Там же. Л. 344.

[2 4] Докладная записка начальника опергруппы штаба войсковой части № 00128 при ВС 3-й Ударной армии Кривошеева П. К. Пономаренко о борьбе с националистическим латышским корпусом и агитации для разложения латышских частей. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1073. Л. 21.

[25] Дело развед. донесений частей и соединений КБФ. ЦАМО РФ Ф.161 О.34 Д. 22. Л. 348.

[26] Там же. Л. 374.

[27] Там же. Л. 341-342.

[28] Там же. Л. 369.

[29] Там же. Л. 370.

Список литературы

Двойных Л.В. Прибалтийский военный округ: к истории создания // Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С. 16-21.

Дробязко С.И. Вторая Мировая война 1939–1945. Москва: Эксмо, 2006. 384 с.

Веригин С.Г. Под чужими знамёнами: военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй Мировой войны (1939–1945). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 123 с.

Иринархов Р.С. Прибалтийский Особый. Минск: Харвест, 2004. 544 с.

Крысин М.Ю. Рейхскомиссариат «Остланд» в Прибалтике. 1941–1945. Администрация, вооружённые формирования вермахта, полиции и войск СС. Москва: Вече, 2023. 400 с.

Любецкий А.Е. Государство и семьи военнослужащих в годы Второй Мировой войны: СССР, Германия, Великобритания – компаративный анализ // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 211-218.

Панин Е.Н. Деятельность националистического подполья в Латвии с июня 1940 по июнь 1941 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 1(69). С. 212-215.

Симиндей В.В. Кадровое наследие диктатуры Карлиса Улманиса и коллаборационизм в оккупированной нацистами Латвии // Журнал российских и восточно-европейских исследований. 2015. № 1(6). С. 97-107.

Славин И.Е. Вопросы военного дела. Москва: Государственное военное издательство, 1935. 240 с.

Спецслужбы Третьего рейха. Неизвестные страницы / Сост. А.И. Колпакиди. Москва: Вече, 2018. 480 с.

Федоренко Л. Тактика конницы. Отделение, взвод, эскадрон. Москва: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1936. 288 с.

Чапенко А.А. Демобилизация военнослужащих-латышей из 24-го территориального стрелкового корпуса РККА 29–30 июня 1941 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 2. С. 53-60.

Эвартс Э. Некоторые аспекты повседневной жизни в Риге во время германской оккупации, июль 1941 – октябрь 1944 гг. // Журнал российских и восточно-европейских исследований. 2011. № 1(3). С. 105-109.

Artem A. BUROVSKY bachelor's degree, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), burovsky.artiom@yandex.ru

LATVIAN COLLABORATORS THROUGH THE EYES OF SOVIET NAVAL INTELLIGENCE

Scientific adviser:
Kirill B. Nazarenko
Reviewer:
Sergej G. Verigin
Paper submitted on: 05/22/2025;
Accepted on: 06/29/2025;
Published online on: 06/29/2025.

Abstract. The article examines previously unpublished sources obtained by Soviet intelligence regarding the formation of police battalions by the German occupation administration in Latvia. The findings indicate that the units staffed by collaborators were characterized by low reliability, primarily due to decisions made by the German command. The study highlights the unique aspects of the occupation regime in Latvia, which contributed to the establishment of these collaborationist formations. Many servicemen were dissatisfied with the conditions of service, so both the Soviet and German sides attempted to exploit this sentiment for their strategic advantage.

Keywords: Soviet intelligence, collaborationism, Latvian police battalions, Latvian Legion, occupation policy, card system, money maintenance

For citation: Burovsky, A. A. Latvian Collaborators Through the Eyes of Soviet Naval Intelligence. StudArctic Forum. 2025, 10 (2): 10–21.

References

Dvoinykh L.V. The Baltic Military District: the history of its creation. *Military History Magazine*, 1989, No. 6, pp. 16-21. (In Russ.)

Drobyazko S.I. *The Second World War, 1939–1945*. Moscow, Eksmo, 2006, 384 p. (In Russ.)

Verigin S.G. *Under false banners: military collaboration in Karelia during the Second World War (1939–1945)*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2016, 123 p. (In Russ.)

Irinarkhov R.S. *The Baltic Special Military District*. Minsk, Harvest, 2004, 544 p. (In Russ.)

Krysin M.Y. *The The Reichskommissariat Ostland in the Baltic States. 1941–1945. Administration and armed formations of the Wehrmacht, police, and the Waffen-SS*. Moscow, Veche, 2023, 400 p. (In Russ.)

Lubeckiy A.E. The state and the families of soldiers during the Second World War: the USSR, Germany, Great Britain – comparative analysis. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2016, No. 3, pp. 211-218. (In Russ.)

Panin E.N. The activity of the nationalist underground in Latvia from June 1940 to July 1941. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, No. 1(69), pp. 212-215. (In Russ.)

Siminday V.V. The personnel legacy of the Karlis Ulmanis dictatorship and collaboration in Nazi-occupied Latvia. *Journal of Russian and East European Studies*, 2015, No. 1(6), pp. 97-107. (In Russ.)

Slavin I.E. *Issues of warfare*. Moscow, State Military Publishing House, 1935, 240 p. (In Russ.)

Kolpakidi A.I., ed. *The secret services of the Third Reich. Unknown pages*. Moscow, Veche, 2018, 480 p. (In Russ.)

Fedorenko L. *Cavalry tactics. Squad, platoon, squadron*. Moscow, State Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense of the USSR, 1936, 288 p. (In Russ.)

Chapenko A.A. Demobilization of Latvians from the 24th Red Army Territorial Rifle Corps on June 20–30, 1941. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, No. 2, pp. 53-60. (In Russ.)

Evarts E. Some aspects of daily life in Riga during the German occupation, July 1941 – October 1944. *Journal of Russian and East European Studies*, 2011, No. 1(3), pp. 105-109. (In Russ.)